

12+

Рихард Рейн
Полевой центр Пламя
Каторга и ссылка

Рихард Рейн

**Полевой центр Пламя.
Каторга и ссылка**

«ЛитРес: Самиздат»

1926

Рейн Р. П.

Полевой центр Пламя. Каторга и ссылка / Р. П. Рейн — «ЛитРес: Самиздат», 1926

Книга написана активным участником Первой русской революции - революции 1905 года в России. События первой части, касаются именно революционных событий, то есть попытки свержения существующей власти на задворках Великой российской империи - в Латвии. Небольшая группа революционеров, захватывает на непродолжительное время власть в небольшом городке Руен и его окрестностях. Во второй части, после подавления мятежа, герой повествования попадает на каторгу, а отбыв там половину своего срока, в ссылку, в далёкую сибирскую деревню. Книга эта, возможно, будет интересна тем, кто увлекается историей России, интересна тем, что автор точно не приукрашивая и не принижая описывает события и быт вековой давности, условия содержания на царской каторги и в ссылке.

Предисловие

Писать воспоминания о восстании 1905 года и последующих реакционных годах или хотя бы об отдельных моментах этого движения, не имея под рукой соответствующих необходимых справок, писать спустя двадцать лет, является делом чрезмерно тяжелым; тем не менее я решил, насколько позволяет память, об этом написать.

Поступить так побудило меня то обстоятельство, что, разыскивая в продолжение более двух лет по всем архивам дело свое и моих сопроцессников, я убедился, что это чрезвычайно трудно, ибо оказывается, что дела бывшей Шлиссельбургской каторги, Бутырок и бывшего тюремного управления сожжены, и если что-либо где и имеется, то никакими усилиями ничего не найдешь.

В результате всех поисков и переписки мне посчастливилось недавно через Латсекцию Коминтерна раздобыть копию заключения бывшего военно-прокурорского надзора петербургского военно-окружного суда по делу о вооруженном восстании в посаде Руен и его окрестностях в 1905 году и, кроме того, из Латвии—фотографический снимок одного из моментов этого восстания. Имея эту копию в качестве материала для частичного хотя бы описания восстания 1905 г., я думаю, что мои беглые воспоминания об этом восстании окажутся не бесполезными для молодого поколения, а, может-быть, даже и для историка, и поэтому, я надеюсь, что читатель мне простит возможные и невольно допущенные в этих воспоминаниях погрешности.

Полевой центр пламя

Посвящается смене—комсомольцам и пионерам.

Это случилось тогда, когда, по статистическим сведениям, Лифляндской и Курляндской промышленных инспекций, в Лифляндии промышленных предприятий насчитывалось 372, где было занято 60.507 рабочих, а в Курляндии 159 промышленных предприятий с 14.095 рабочими, не считая предприятий и рабочих, находившихся вне ведения фабричных инспекций.

Это случилось тогда, когда помещичье – баронской земли по одной Лифляндской губернии числилось около 1.800.000 десятин, а крестьянской – лишь 1.121.269 десятин, к этому нужно еще прибавить и церковные (пасторские) земли, которые занимали немалое место в общем земельном фонде, вследствие чего оказалось, что в пользовании прибалтийского крестьянина находилось всего 39% всего земельного фонда Лифляндии. Такая же картина наблюдалась и в Курляндии и Эстляндии.

Кроме того, почти все леса находились во владении помещиков, за исключением небольших лесных площадей, находившихся в ведении государства.

Помещикам принадлежало право открывать корчмы (пивные), пивоваренные и винокуренные заводы, а также право на охоту и рыбную ловлю, тогда как все повинности были возложены на крестьян; в частности, дорожные повинности, по «скромным» подсчетам бывшего Лифляндского губернатора Зиновьева, исчислялись по одной только Лифляндской губернии в 400.000 рубля в год, а Земцев, основываясь на данных сенатора Манасеина, определил эту сумму в 1.106.393 рублей. Правда, «милостивые» бароны-помещики отпускали для нужд дорог материалы, но они, по показаниям того же «милостивого» губернатора Земцева, определялись в денежном исчислении в 15.192 рублей в год.

Помимо этого, средний волостной бюджет по Лифляндии равнялся около 1500000 рублей в год, каковая сумма покрывалась, главным образом, за счет так-называемого «головного» налога, собираемого с каждого мужчины, достигшего 16-летнего возраста, причём, в большем размере с батраков и рабочих, не считаясь ни с их заработком, ни с материальным положением их семей.

Пишущий эти строки, состоя учеником типографии и получая лишь 10 рублей в год на хозяйских харчах, уже на шестнадцатом году от роду платил 4 рубля 80 копеек этого налога в год, а на семнадцатом году, получая те же 10 руб. в год, платил 7 рублей 20 копеек.

Нужно заметить, что отсрочек платежа бедняку не допускалось, и на его заработок накладывался арест, тогда как крупные хуторяне, имея от 40 до 50 и больше десятин земли, подчас не платили этого налога по 2-5 и даже больше лет, после чего «каким-то способом» с них списывали уплату этого налога «по несостоятельности» и прочее.

Если ко всему сказанному еще прибавить, что, помимо всяких «законных» и «незаконных» налогов, сборов и повинностей со стороны царского правительства и его агентов баронов-помещиков, еще немало повинностей и сборов прибалтийский батрак и рабочий, а также и крестьянин (серый барон) несли по обслуживанию церковнослужителей-пасторов, то картина наигнуснейшей эксплуатации трудового народа в Прибалтике будет ясна. Эти повинности, сборы и налоги в пользу духовенства выражались в следующем: еще с феодальных времен латышский крестьянин регулярно должен был отчислять от своего урожая так-называемые «сецин» (Seezin), что составляло с каждого хуторянина, в зерновом отчислении (с ржи, ячменя, гречихи и прочее), от 27 до 30 фунтов с каждого вида зерна; в общем и целом ни один из этих духовных отцов не производил «околпачивания» народа, играя на его несознательности, дешевле трех тысяч рублей «чистоганом» в год; имелись и такие приходы, где духовные отцы зарабатывали до 10 тыс. руб. и больше в год и, накопив свои «маленькие» сбережения в течение 3-5 лет, покупали имение ценою от 50 до 100 тысяч рублей. Кроме этого, крестьянин обязан был обрабатывать землю своего «духовного отца», строить необходимые ему постройки и прочее; однако, все это и отчисления, о которых я говорил выше, не освобождали крестьянина от отчислений яйцами, птицей и тому подобным.

Независимо от этого, «все грехи» отпускались духовными отцами за определенную плату. Если иногда и списывались долги за молитвы «за упокой», «во здравие» и прочее, то «грехи» за неуплату причитающихся отчислений духовному отцу никогда не прощались; так что иногда покойник простаивал на кладбище у могилы по несколько часов в ожидании, пока духовный отец сторгуется с родными покойного об оплате за «труд» и о «сроке» уплаты просроченных им платежей.

Случалось, что бедняку нечем было платить, и он принужден был бегать по своим знакомым – лишь бы набрать 2-3 рубля, чтобы заплатить пастору и иметь возможность зарыть в землю покойника.

Все эти проявления бесщабашной эксплуатации латышского крестьянина, батрака и рабочего привели к тому, что против ожиданий и чаяний буржуазии и помещиков всей России, лавирующих и выбирающих в царских палатах между «диктаторством Трепова» и хитростным манифестом 17-го октября графа Витте – прибалтийский крестьянин, батрак и рабочий, не выдержав доле этой эксплуатации, поднял знамя открытого восстания против своих поработителей.

Об этом в конце 1905 и в начале 1906 годов прибалтийские бароны и их покорные слуги – редакторы реакционных газет с ненавистью писали: «...Мы надеемся, что латышам будет отведено почетное место в русской революции...».

Отводимое «почетное место» латышам в русской революции, конечно, понималось и проводилось в жизнь виселицами, ссылками, каторжными работами, поркой, расстрелами «по суду и без суда» и прочими мерами, предпринимаемыми царскими слугами, «ради обезвреживания» социалистических настроений. Воспоминаниями об одном из этих отведенных нам, латышам, почетных мест я и желаю поделиться с читателями.

Дело происходило в местечке Руен и его окрестностях, Лифляндской губернии, Вольмаркского уезда.

Еще задолго до царского «милостивого» манифеста 17-го октября 1905 года, сфабрикованного графом Витте,—а именно в период 1902-1903 годов, в наши районы стали проникать слухи о каких-то «социалистах», листовках, прокламациях, воззваниях и прочее; одни говорили, что социалисты хотят помочь рабочим и крестьянам улучшить их материальное положение, другие называли их безбожниками, грабителями, стремящимися не то свергнуть, не то убить царя; говорилось все это как-то втайне, с глазу на глаз, но все же распространялось.

Подчас муж с женой, с опаской говоря об этих слухах и посматривая —одни на свое «барахло», а другие на свои сбережения, одни вздыхая, что всё отнимут, другие внутренне радуясь, что нечего отнять, а может быть дадут, — старательно стремились избегать присутствия детей при этих разговорах, особенно детей старшего возраста, — мол, разболтают, да горя наживут на все семейство.

Чем больше в таких случаях секретничали, тем сильнее рос интерес к этому у детей, и последние, проделывая головоломные штуки, ухитрялись все это подслушивать, передавали затем своим приятелям, обсуждали сообща и, накормленные со школьной скамьи всевозможными «лубками», вроде «Предводителя бандитов Ренальдо-Ренальдини», сейчас же строили свои планы всяк по-своему: кто сейчас же хотел быть командором этих социалистов, громить всё, что надо, а кто и громить самих социалистов-безбожников, обижающих царя, и тому подобное, — словом, рассуждали, кто во что горазд.

Как-то в конце осени 1903 года, когда эти слухи уже почти было притихли, вдруг в наше местечко нагрянуло несколько человек жандармов и произвели кое у кого тщательные обыски, но, никого и ничего не забрав, уехали. Снова поднялись разговоры о социалистах, о листовках; а тут как раз и оказалось, что кто-то что-то нашел, читал, видел и доставил в полицию. Власть, в свою очередь, как-то особенно насторожилась, и полицейские, по вечерам и ночам прогуливаясь по местам скопления публики, таинственно между собой переглядывались, а иногда и перешептывались.

Мы, молодежь, решили, что во всех этих слухах и разговорах «что-то есть»; мы, рабочая молодежь, как-то чутьем чувствовали, что «социалисты» — это друзья и защитники трудового народа и что наше дело их найти, помочь им; в чем и как, — мы и сами себе не представляли, но почему-то нам казалось, что рабочие их знают, а через них и мы должны их найти и узнать. Мы стали искать, допытываться — особенно у фабричных рабочих. Нас отталкивали, подчас высмеивали, что, в свою очередь, еще больше нас раздражало, томило и, наконец, порождало злость и ругательства по поводу того, что нам не хотят сообщить, что нам не доверяют, а, может быть, и сами об них ничего не знают. Мы бранились, умоляли отдельных рабочих не считать нас предателями и познакомить с «социалистами». Все наши происки, однако, оказались безрезультатными.

Так прошла зима и весна 1903 —1904 годов, наступило лето. Проработав после школьной скамьи почти два года на конфетной фабрике в качестве мальчика, где я получал в первые месяцы по 5 копеек за 13-ти часовой рабочий день, а впоследствии по 1 рубль 50 копеек в неделю за тот же рабочий день, я поступил в 1902 году в типографию Шкинкиса учеником, все же не теряя, однако, связи с рабочими и работницами конфетной фабрики и имея с ними частые встречи и беседы. С открытием ножевой фабрики «Амор» я быстро познакомился и связался и с ее рабочими, среди них было много рабочих из города Риги.

Не помню точно, было ли это в начале или в конце мая 1904 года, но как-то раз, в праздничный день, гуляя в парке, я встретил одного из этих рижских рабочих ножевой фабрики, по фамилии, кажется, Саулит.

Поздоровавшись, мы пошли рядом, сначала разговор зашел о погоде, а затем, зная, что я страстный рыболов, мой спутник стал расспрашивать меня о моих успехах в этой области. Отвечая на вопросы и развивая свои соображения на этот счет, я вдруг инстинктивно почувствовал, что беседа о рыболовстве вовсе не та тема, на которую он собирается со мной гово-

рить, и, очевидно, от мысли, что он хочет говорить именно о том, о чем я давно мечтал, то есть о «социалистах», жар пробежал по всему моему телу и я, кажется, очень покраснел, что, в свою очередь, вызвало некоторую тревогу на лице моего собеседника, и последний, взяв меня под руку и отведя в сторону, предложил присесть на травку «погреться» на солнышке.

Мы уселись, и он тотчас же завел разговор о мизерных заработках местных рабочих, о слишком продолжительном рабочем дне, о непристойном поведении духовенства и полиции, которых наша молодежь терпеть не могла, и говоря обо всем этом, он как-то испытующее поглядывал на меня, меня эти взгляды не особенно смущали, и я с нетерпением ждал, когда он заговорит о «социалистах». Как бы угадывая мою мысль, он перешел на разговор о том, что он слышал, что имеются организации, которые ведут борьбу со всеми этими ненормальными явлениями, стремясь устроить жизнь по-новому, что он лично хотел бы с ними познакомиться, но не знает как.

Я ему тут же ответил, что и у меня имеется такое стремление, но что все мои поиски в этом направлении остались безрезультатны. Тогда товарищ Саулит, пытливым взглядом посмотрев на меня, резко изменил разговор и спросил:

– А вы знаете, что делает полиция с социалистами-бунтарями?

И тут же прибавил:

– В тюрьмы сажает и вешает.

Хотя меня его странный тон и резкость несколько и поразили, но меня не удивило последнее заявление о тюрьмах, и виселицах, так как я, в общей массе слухов, достаточно об этом наслышался, и я ему, насколько было возможно при таком разговоре и в те времена, спокойно ответил:

– Что ж, я об этом слышал...

Мы несколько помолчали, после чего он снова спросил:

– А вы слышали о провокаторах?

Я ответил, что это слово мне незнакомо.

– А о предателях?..

Об этом слышал, но если вы думаете, что я способен быть предателем, то глубоко ошибаетесь, – возразил я, и окончательно не понимая такого тона разговора, встал.

Полулежа еще на траве, т. Саулит несколько насмешливым, спокойным тоном продолжал:

– Я вас таким, конечно, не считаю, но если бы вы и были бы способны на предательство, то вам некого было бы и предать, социалистов вы не знаете, и я тоже не социалист.

В ответ на это я, со всей ненавистью к нему и смотря ему прямо в глаза, сказал:

– Следовательно, вы сами предатель, полицейский слуга и ищите кого предать!..

И с этими словами я собрался уже было уйти; но он, вскочив с места, взял меня крепко под руку и, направляясь вперед, сказал:

– Пойдем, я кое-что тебе покажу...

И по дороге через кладбище, улучив минуту, когда никого не оказалось поблизости, он сунул мне в руку какой-то свернутый клочок бумаги, сказав:

– Спрячь, никому не показывай и прочти.

И попрощавшись со мной, он ушел.

Горя нетерпением узнать, что это за сверточек, я направился домой. Зайдя в комнату, где со мной проживали отец и мать, и убедившись, что мои родители на месте и здесь мне делать нечего, я забрался в чулан, где, развернув этот таинственный сверточек, который оказался изданием (изрядно потрепанным) латвийской социал-демократической рабочей партии «Zihna» (Борьба), с жадностью стал его читать и перечитывать. Но, к сожалению, больше половины того, что читал, я не понимал, а то, что понял, рисовалось мне, – насколько об этом теперь, по истечении 20 лет, память позволяет судить, – в следующей формуле: «надо бороться за общее лучшее будущее». Но как – я себе все же не представлял... Возник и другой вопрос:

что делать с газетой?.. Уничтожить – пожалуй, не следует; передать кому-либо из своих товарищей – не имею права без разрешения тов. Саулит. В конце концов я решил сохранить ее и, тщательно завернув, спрятал сверток в чулане между крышей и одной из поддерживающих ее балок.

Я хотел в тот же день, вечером, повидаться с товарищем Саулит, но, к сожалению, не встретил его. Так прошло два дня, наконец, на третий день, вечером, узнав квартиру товарища Саулит и горя желанием получить еще что-либо подобное для чтения, я направился к нему. Отведя его в сторонку от домашних, я спросил, имеется ли у него еще что-нибудь вроде «Борьбы», одновременно предупредив его, что он может на меня вполне положиться. Ответив, что у него ничего более не имеется, он предложил мне отправиться, восвояси и ждать, пока я ему не понадобится. Я понял, что это, тоже относится и к вопросу об имеющемся у меня номере „Борьбы“.

Опять наступили часы и дни неизвестного ожидания и тревоги, и, нужно сказать, часы и дни длинные, кажущиеся годами...

Несколько времени спустя, как-то вечером после работы, ко мне подошел мой давнишний товарищ по работе на конфетной фабрике «Фортуна» – товарищ Лисиц, поздоровавшись и обменявшись разными мелочными вопросами и ответами на них, мы направились на старое кладбище, находящееся в центре местечка и расположенное рядом с парком (если вообще можно назвать парком клочок земли в центре местечка, заросший редкой ивой и сосной – без всякой планировки).

Зная мою ненависть к духовенству, полиции, а также к предпринимателям и зная меня, по работе на конфетной фабрике, как надежного товарища, который не выдаст, он, напомнив мне о том, о чем я говорил с товарищем Саулит, и о прочитанной мною, «Zihna», сейчас же заявил, что он один из тех, кого я так долго искал и кто ведет борьбу со всеми замеченными мною в жизненном водовороте ненормальностями и с повсеместной эксплуатацией. В ответ на это я успел только воскликнуть:

– И ты до сих пор все это от меня скрывал!..

На это тов. Лисиц, улыбаясь, ответил:

– Ты еще слишком молод и поэтому необходимо было тебя проверить.

Однако, проверять было нечего, ибо я еще никаких поручений от партии, которую я так долго искал, не имел.

Оказалось, что товарищ Лисиц состоял членом латышской социал- демократической рабочей партии и что ему поручено вместе со мной организовать в местечке Руен кружки из рабочей молодежи, просвещать эти кружки, распространять листки (прокламации) и прочее. Согласившись с ним и заявив, что готов на все, я все же должен был сознаться, что пока что я еще и сам ничего не понимаю и не знаю и поэтому вряд ли сумею кого-либо просвещать; разбрасывать же в нашем районе прокламации и прочее, по моему мнению, при известной осторожности, мне будет весьма нетрудно. На мои рассуждения тов. Лисиц ответил:

– Была бы охота и желание, а как организовать и как приступить к просвещению этой молодежи, я тебя для начала научу, а там дальше, читая и учась, ты сумеешь научить и других...

На прощание он добавил, что вообще вся эта работа должна вестись в условиях строжайшей конспирации и что видеться мне с ним впредь придется пореже и то – в условленных местах.

Нужно сказать, что его соображения были вполне правильны, так как к тому времени латышская молодежь почти никаким самообразованием не занималась; клубов не было, а если таковые и существовали, то лишь для зажиточно-интеллигентской части населения; газет и книг не читали, так как тех незначительных грошей, которые молодежь зарабатывала, не хватало и для уплаты налогов (поголовного), покупки одежды и пропитания.

Получив задание от товарища Лисиц, я немедленно приступил к работе и с того же дня стал организовывать кружок, привлекая в него знакомых мне подмастерьев-учеников и других надежных товарищей. Переговорив с десятком из них, в том числе и с Эдуардом Клявиным, со Строгисом и другими, мы создали кружок, о чем я сообщил товарищу Лисицу, последний, наметив день нашего первого заседания, просил назначить место собрания, обставив его соответствующими предосторожностями. Тут же было решено устроить вечеринку, с пивом, с приглашением гармониста – начав ее часов в восемь вечера, чтобы закончить к двенадцати часам, после чего останутся лишь свои «ребята» на часок, в течение которого и можно будет провести наше первое собрание, на это собрание должен был прийти агитатор-организатор. В назначенный час и в условленном месте все были в сборе, в том числе также и приглашенные и подобранные на сей предмет знакомые нам девушки и гармонист.

Как мы ни стремились «распоясаться», то есть веселиться, все же это как-то не удавалось, ибо у каждого из нас, мужчин, было желание поскорее покончить с вечеринкой и приступить к делу, тем более, что ни у кого из нас, покуда что, не имелось никакого представления ни о парторганизаторе-агитаторе, ни о том, что он нам скажет.

Благодаря этим обстоятельствам вечеринка кончилась раньше предполагаемого времени, и мы, спровадив наших девиц, остались одни, под видом выпить пива и побалакать, наконец, явился агитатор-организатор. Тов. Лисиц представил его нам, не сообщив однако ни его фамилии, ни «клички», а просто назвав его – наш товарищ, а тот, спросив, можно ли приступить, и получив утвердительный ответ, стал нам рисовать картину бедственного положения рабочих и крестьян вообще, в частности – рабочих и батраков Прибалтики, доказывая необходимость борьбы за улучшение их положения, указывая в то же время на те трудности, которые встретятся на нашем пути, – возможность обысков и арестов, заключения в крепости, ссылки и прочее, – ввиду чего необходима конспирация в работе и тому подобное. Закончил он свою речь эпизодом из французской революции, особенно подчеркивая самоотвержение парижского пролетариата, который будто бы, будучи осажден капиталистическими войсками, несколько дней голодал, а когда однажды были получены яблоки, последние были разделены среди составшего пролетариата с таким расчетом, что одно яблоко приходилось на четырех человек на двое суток, и несмотря на такое положение, пролетариат, сознавая правоту начатого дела, продолжал борьбу вплоть до полного его уничтожения со стороны буржуазных войск.

Знакомясь впоследствии с историей французской революции, я, конечно, в книгах таких фактов не находил; но тогда доводы нашего агитатора произвели на нас такое потрясающее впечатление, что мы с энтузиазмом восклицали: «Одно яблоко на четырех человек, да на двое суток! Какой героизм, какая самоотверженность!». А наш агитатор, продолжая свою речь, увлекал нас все дальше и дальше, дойдя до гильотины. Каждое его слово мы слушали, глотая его с замиранием сердца. Когда оратор кончил, мы обратились к нему с рядом вопросов, на которые он дал нам исчерпывающие ответы. Наконец, прощаясь с нами, он так же, как и товарищ Лисиц, вновь предупредил нас о необходимости в нашей работе строжайшей конспирации, так как отныне мы будем получать аккуратно прокламации, воззвания «Zihna» и другую нелегальную литературу; он инструктировал нас также, как держать себя в случае ареста кого-либо из нас, затем, уже направляясь к выходной двери, он сказал, чтобы мы не расходились, так как с участием товарища Лисиц нам предстоят еще выборы кружкового руководителя.

Таковым был избран я. Отсюда началась вся наша дальнейшая работа – я, держа связь с тов. Лисиц, получал через него прокламации «Zihna» и кое-какие брошюры, которые по прочтении передавались мною другим членам кружка, а по миновании надобности возвращались обратно товарищу Лисиц. В этот же период меня познакомили и со студентом Емельяном Аболтиным, через которого впоследствии я стал получать необходимую нам литературу и инструкции о работе.

Летнее время благоприятствовало работе; мы могли собираться в лесу, на лужайках, словом, где угодно, не боясь полицейского глаза; мы регулярно сходились, с увлечением слушали наших старших товарищей, расспрашивали их об интересующих нас вопросах, разбрасывали и расклеивали прокламации, когда это нужно было, и чувствовали себя участниками революционного дела. С наступлением же осени и зимы положение ухудшилось: устраивать собрания можно было лишь у кого-нибудь в квартире, но таких квартир – квартир холостяков, без постороннего глаза – не оказалось, а собираться у женатых или посвящать в это дело родных было небезопасно, и мы имели возможность устраивать заседания лишь с большими перерывами, в большинстве случаев в неподходящей обстановке, по воскресеньям, в корчме (что-то вроде пивной), в отдельном номере и за стаканом пива.

Это станет понятно читателю лишь тогда, когда он познакомится с тем, как жила молодежь в латвийской провинции в дореволюционное время; работая учеником или подмастерьем у ремесленника, он не имел собственного угла, а в большинстве случаев получал лишь место на двух-трехэтажной кровати, в углу мастерской; и поэтому приходилось, при устройстве собраний, мириться и с номером в корчме.

Так прошла осень и зима. К весне работа оживилась и, к нашему удивлению, у учителя приходской школы и не помню у кого еще приезжими представителями жандармерии были произведены обыски вплоть до сдирания обоев; два-три человека были арестованы, закованы в ручные кандалы и под конвоем куда-то увезены.

Нас это удивило, во-первых, потому, что, мне казалось, что наш кружок единственный кружок в местечке и другого подобного ему нет. Как читатель увидит впоследствии, мы в этом глубоко ошиблись.

Кстати сказать, в ночь обысков у вышеупомянутого учителя и других лиц, я был предупрежден об этом товарищем Лисиц и должен был, в свою очередь, предостеречь членов кружка – быть на чеку. Так как, в смысле конспирации, дело у нас обстояло благополучно и дома всегда всё было припрятано в надлежащее место, а, «прокламашки» мы перетаскивали друг от друга обернутыми под чулком вокруг ноги, то мы обысков не боялись; беспокоились лишь об одном – как бы не попался наш гектограф, который, впрочем, по словам тов. Лисиц, находился у надежного товарища.

После этих обысков и арестов до начала лета вся наша работа протекала обычным нормальным темпом, при чем Лисиц и Аболтин все обещали мне к лету чем-то особым порадовать нас, а на все мои расспросы чем, – так и не сказали.

Вдруг в начале или конце мая стряслась беда. В субботу вечером, накануне какого-то церковного праздника, наш кружок получил задание разбросать по кладбищам, около церкви и в других местах прокламации, а в воскресенье рано утром я должен был, ездя на велосипеде, известное количество прокламаций расклеить на телеграфных столбах – по дороге к городу и к церкви. Мы распределили между собою роли: мне, Эдуарду Клявину и, кажется, товарищу Заккису выпал обход Почтовой и Виркенской улиц.

Забрав соответствующее количество прокламаций, мы с наступлением ночи отправились на работу.

Было решено разбрасываемые по улицам прокламации прикрывать камешками, чтобы ветер не сдувал их, а часть из них заложить за ставнями более крупных мастерских – в расчете на то, что утром, когда ученики мастерских откроют ставни и обнаружат там прокламации, они перенесут их в мастерские, где, понятно, всякий рабочий их прочтает. Согласно принятому плану действий, Клявин и Заккис пошли впереди и непосредственно разбрасывали листовки, я же с пакетом прокламаций следовал за ними в шагах 15–20 с тем, чтобы в случае опасности дать сигнал товарищам и самому с имеющимся у меня запасом прокламаций скрыться.

Пройдя всю Почтовую и Виркенскую улицы и разбросав там прокламации, мы вернулись к началу Почтовой улицы, чтобы проверить, все ли обстоит благополучно. Снова проходя по Почтовой улице со стороны конно-почтовой станции, мимо конфетной фабрики «Фортуна», почти до самой Рыночной площади, мы обнаружили, что ни одной из разбросанных прокламаций на улицах не имелось, что, конечно, нельзя было объяснить тем, что проходящая публика их все подобрала. Мы ускорили шаг для того, чтобы убедиться, не шла ли вслед за нами полиция; и пройдя еще несколько шагов, действительно, разглядели впереди нас силуэты двух урядников, подбирающих разбросанные нами прокламации. Оставалось одно— перехитрить полицейских, свернув с улицы, и начать работу снова, что мы и сделали; но так как у нас прокламаций оставалось весьма немного и часть из них должна была быть оставлена для расклейки, то приходилось очень экономить, и начав с середины Почтовой улицы и следуя за урядниками на почтительном расстоянии, мы восполнили образовавшийся пробел.

На следующий день, рано утром, из предосторожности перевязав свой велосипед в нескольких местах тряпками, я отправился на расклейку. Утро было туманное. Выехав по Банной улице, чтобы не ехать через центр местечка, я направился через пастбище на большую дорогу, ведущую к имению Виркен, и стал расклеивать заблаговременно намазанные крахмалом и сложенные вчетверо прокламации. Не успел я отъехать от местечка и двух верст и наклеивая, должно быть, всего лишь девятую или десятую прокламацию, я заметил, что сзади меня, еще на далеком расстоянии, кто-то едет на подводе и останавливается у телеграфных столбов, на которые я только что наклеивал прокламации. Сначала я подумал, что это проезжающий крестьянин и что останавливается он у каждого столба лишь только потому, что прокламации были разных цветов и он мог предположить, что они имеют и разное содержание, однако, подпустив подводу поближе, я убедился, что это—урядник и что он трудится «за царя и отечество», соскабливая своей шашкой наклеенные мною прокламации. Мой заряд пропал даром, необходимо было скрыться с «глаз начальства» и переменить маршрут, что я и сделал. Отъехав с версту и убедившись, что урядник из-за тумана не только не видит меня, но даже и не подозревает присутствия «социалиста», я, подобно зайцу, сделав несколько петель в сторону кустов вправо и приподняв свой велосипед, направился по дорожке влево на другую большую дорогу, тоже ведущую к местечку и к церкви и расположенную, примерно, в версте от первой; расклеив там остаток прокламаций, я вернулся домой.

Вернувшись со всеми предосторожностями домой, еще в субботу вечером, я на всякий случай запасся «свидетелями», которые бы подтвердили, в случае надобности, что я ночевал у них, разделся и лег спать, однако заснуть не удалось, так как беспокоили мысли о том, как проходила работа по разбрасыванию прокламаций у других товарищей, все ли обошлось благополучно, не попался ли кто и не попали ли разбросанные прокламации в руки полиции.

Как потом выяснилось, хотя полицейские урядники и обшарили все улицы и кладбища, но и там наши ребята перехитрили их и умудрились наклеить несколько прокламаций даже на дверях лютеранской церкви, находящейся в полуверсте от местечка; урядники же, успокоившись своим обходом, внутренне радовались тому, что «выслужились» перед начальством, и доложили последнему, что к «праздничку» все обстоит благополучно, представив в доказательство соответствующее количество найденных прокламаций. Каково же было удивление полицейских, когда на следующий день, к церковному звону, «благопристойные» граждане стали приносить в полицию найденные ими «листки» ... Даже мой отец, найдя утром у наших ворот одну из таких прокламаций, начал совещаться с матерью о том, что с ней делать – нести ли в полицию или просто-напросто сжечь, чтобы след простыл. Нести в полицию—значило, по его мнению, дразнить её, если сжечь – могут подумать, что он нарочно не хотел предъявить начальству, да кроме того отец, как неверующий, был еще на плохом счету у духовенства и полиции. Мать советовала не нести, но, будучи глубоко верующей, придравшись к случаю, не замедлила прочесть отцу лекцию насчет того, что «бога надо чтить и начальство уважать».

Шепчась и споря довольно продолжительное время, отец все время искоса поглядывал на мою кровать, как бы спрашивая мать—«чего доброго, может и он? – все ведь по ночам куда-то шляется». Мать же, словно угадывая его вопрос, стала успокаивать, говоря, что мое, мол, дело «молодо-зелено» и, следовательно, с девчонками шляется. В конечном итоге было решено, что, во избежание могущих возникнуть недоразумений, все же «листочек» в полицию отнести следует, что и было сделано отцом.

Вижу—делать нечего, тут не до сна: надо встать, одеться и отправиться к кое-кому из своих товарищей, чтобы обо всем разведать – так я и сделал.

Разведка моя обнаружила положительные результаты в нашу пользу и как будто, как я уже сказал, все обстояло благополучно, однако к полудню возникли серьезные опасения: кое у кого были произведены обыски, а Яков Спрогис и Заккис были арестованы и вечером под конвоем отправлены в уездный город. Мы обеспокоились тем, как бы не случилось провала, в Спрогисе мы все были уверены и ручались головой, что он, никогда не проявляя малодушия, не выдаст, на Заккис же трудно было положиться и мы боялись, как бы он в случае побоев, а может быть и пытки, не выдал бы весь наш кружок и тов. Лисиц.

К нашему счастью, против обоих арестованных товарищей у полиции не имелось никаких улик, и через две недели они были освобождены и вернулись к нам. А тут и солнышко заглянуло в наши края: приехал агитатор-организатор из Риги и, как сообщили мне Лисиц и Аболтин, устраивается «массовка».

«Как массовка, – спрашиваю я Аболтина, – ведь нас только десять человек да вас двое, какая же из двенадцати человек может быть «массовка»?» В ответ на мое удивление оба они ухмыляются и отвечают:

Да не десять человек, а почти пятнадцать десятков!

Я пустился в обиду по поводу того, что они держали меня в неведении и не сообщили мне, что, кроме нашего, имеются еще и другие кружки; смеясь, они ответили:

Да в этом ведь и заключается вся конспирация в нашей совместной подпольной работе.

Массовка, устроенная в трёх-четырёх верстах от местечка Руен, в лесу, и обставленная нашими патрулями, с двухкратными паролями и отзывами, прошла удачно: лишь на массовке я увидел, насколько велика и сильна была наша организация. Приезжим товарищем, по кличке «Клявин», был сделан обстоятельный доклад о целях и задачах всей латышской социал- демократической рабочей партии в целом – о целях, задачах, и методах борьбы нашей полевой организации, в частности. Каждый из нас с величайшим интересом и энтузиазмом слушал слова оратора и переживал с ним вместе те чувства глубокой радости, тревоги и стремления к борьбе, которые могут быть понятны только подпольным работникам, испытавшим на себе все условия подпольной работы, эти массовые собрания в лесах, когда каждый из нас, слушая приезжих товарищей, испытывал моменты глубоких переживаний, неописуемы, они то призывали к борьбе, то отдаляли сроки ее, то поднимали на недостижимые высоты предстоящие волны восстания, то снижали их ко времени тяжелых испытаний – возможных расстрелов, виселиц, каторги и ссылки, – словом, речи ораторов на этих массовках казались опиумом борьбы и жертвы, приучающим к стойкости, выдержке и к терпению переносить невзгоды.

Как я уже сказал, массовка прошла благополучно; после окончания ее было спето несколько, плохо еще нами заученных, революционных и рабочих песен, красный флаг, развешенный во время массовки в центре нашего собрания, решено было водрузить на верхушке сосны, что и было сделано. Долго потом в народе говорили об этом флаге, о собрании в лесу «социалистов», которых полиции будто бы не удалось изловить. С этого момента массовки стали происходить чаще, при чем одна из них была устроена что называется под самым носом у полиции – в лесочке «Zuhkaups preedes», не более версты от местечка, а другая массовка состоялась в двух-трёх верстах от местечка, под проливным дождем.

Я отмечаю эти моменты лишь для того, чтобы сопоставить дисциплину партии в подпольный период с дисциплиной отдельных организаций в настоящее время; если на массовке, которая происходила под проливным дождем, участвовала вся наша организация, за исключением двух товарищей, о которых кружковые руководители доложили, что они отсутствуют по уважительным причинам, будучи заняты по специальным заданиям, то летом 1917 года в том же местечке и в той же организации, на первом же по моему возвращению из каторги собрании из всей организации на общем собрании я застал лишь треть всех членов.

Так – в массовках, в кружковых собраниях, в чтении нашей скудной литературы, в разбрасывании и расклеивании прокламаций, проходило все лето; наша организация, прежде причисленная к «Виденской», была реорганизована в самостоятельную организацию, подчиненную непосредственно ЦКЛ.С.-Д.Р.П.– под названием „Полевой центр Пламя“.

Как я уже сказал в начале моих беглых воспоминаний, положение батраков и рабочих, особенно последних, в нашем районе было невыносимо, к весне и к лету 1905 года оно нисколько не изменилось. Ученики ремесленных мастерских, закабаленные на три-четыре года в ученичество, получали грошовое вознаграждение и скверные хозяйские харчи и по-прежнему бедствовали; ученики и рабочие конфетной фабрики находились в не лучшем положении и все еще продолжали, при мизерной оплате (от девяноста копеек до полутора рублей в неделю), работать по двенадцать часов в сутки, детский труд, особенно – девочек, на конфетной фабрике применялся во всю.

Вот эти-то обстоятельства и привели к тому, что летом 1905 г. часть рабочих и работниц конфетной фабрики бросила работу, потребовав увеличения заработка и сокращения рабочего дня. Эта частичная забастовка не обошлась без нашего участия.

В задачу нашей организации, при создавшемся положении, входило – приостановить работы на конфетной фабрике полностью и не допустить туда «штрейкбрехеров». Частично это удалось, но этого было недостаточно и необходимо было принять меры, чтобы забастовка распространилась бы и на кустарные мастерские и увлекла бы собой рабочих и вышеупомянутой ножевой фабрики «Амор», между тем оплата труда на этой последней была сравнительно сносная, и рассчитывать на немедленное присоединение их к бастующим, тогда как еще не вся конфетная фабрика объявила забастовку, было нечего.

Приняв соответствующие меры в этом направлении, мы назначили день всеобщей забастовки по нашему местечку, так как вся наша организация прекрасно знала, что полиция давно точит свои зубы на меня и что мое выступление может повлечь за собой немедленный мой арест, то было решено, что ко мне зайдет ряд товарищей из разных мастерских, захватят, будто бы насильно, меня с собой, а затем уже руководство забастовкой перейдет в мои руки.

Как и было условлено, в назначенный день и час ко мне явилась группа товарищей – рабочих-кустарей, в присутствии моего хозяина и его жены, под видом «угрозы», они заставили меня прекратить работу и последовать за ними. Мы направились по всем мастерским и со словами – «фейрабент» прекращали работы и предлагали рабочим и ученикам следовать за нами. В некоторых местах хозяева пригрозили нам полицией, но зная, что в местечке насчитывалось всего лишь три-четыре урядника, один жандарм (и то – стационарный) и младший помощник уездного воинского начальника, – мы этих угроз не боялись.

Остановив все мастерские, мы направились за реку, на лужайку, чтобы совместно выработать общие требования учеников и подмастерьев. На скорую руку таковые требования были выработаны, но не успели мы еще зафиксировать их на бумаге, чтобы потом, размножив на гектографе, предъявить хозяевам- работодателям, как увидели, что вслед за нами идет полиция, а с ней и кое-кто из головки местной «посадской» администрации и заведующий арестным домом. Не допустив их до себя, мы встали и направились в центр местечка – к кладбищу, к сборному пункту всех бастующих, в том числе и «конфетчиков», чтобы совместно напра-

виться на ножевую фабрику и, остановив там работу, выгнать из конфетной фабрики услужливых фабриканту «штрейкбрехеров».

По всей дороге до сборного пункта полиция на «почтительном расстоянии» следовала за нами, но к сборному пункту не подошла.

Объединившись с рабочими и работницами конфетной фабрики, мы направились на ножевую фабрику, расположенную около станции железной дороги. Ворота фабрики оказались закрытыми, и на наш зов открыть их из-за забора выглянула голова директора фабрики, который стал уговаривать нас не мешать им работать, так как, мол, его рабочие обеспечены хорошим заработком и прочее. В ответ на это кто-то крикнул:

– Тачку!

Голова директора немедленно скрылась за забором, а наши ребята, влезая друг другу на плечи, вскарабкались на забор, чтобы, перепрыгнув, открыть ворота изнутри, но не успели они исполнить свое намерение, как часть товарищей с треском сорвала несколько досок с забора, благодаря чему в заборе образовался проход, чрез который мы стали пробираться во двор фабрики, часть товарищей, в том числе и я, вбежав в нижний и верхний этажи фабрики с криками — «фейрбент!» (кончай!), остановили работу. После этого мы и направились по линии железной дороги на конфетную фабрику для того, чтобы, как уже было сказано, выгнать работающих там «штрейкбрехеров» и пригрозить им, в случае продолжения ими работы, избиением (камями).

По дороге нас встретила полиция, во главе с фабрикантом конфетной и ножевой фабрики Гольдбергом; последние пытались затеять с нами переговоры, увещевая рабочих стать на работу и не делать „глупостей“; но это ни к чему не привело, ибо рабочие потребовали исполнения требований конфетчиков. Подойдя к конфетной фабрике, мы убедились, что штрейкбрехеры уже удрали, и мы разошлись по домам, с намерением вечером собраться и обсудить положение дел и необходимых дальнейших мероприятий.

К вечеру несколько более передовых рабочих с обеих фабрик, и я были вызваны в канцелярию младшего помощника уездного воинского начальника. Предполагая еще до забастовки возможность со стороны полиции «вылавливания» наших товарищей, мы приняли соответствующие меры к недопущению арестов, и поэтому, куда мы находились в канцелярии полиции и вели с Пржиалговским «политическую» беседу, вернее – слушали его лекцию о «нецелесообразности» забастовок для увеличения заработка и прочее, – на улице и во дворе скопилось десятка два наших товарищей.

Видя бесполезность и бесцельность своей лекции, «господин» Пржиалговский благосклонно заявил нам, что он задерживать нас не намерен. Услышав такое «милостивое заявление», мы, конечно, не стали с ним дискутировать и направились к выходу. Тотчас же по выходе мы условились с частью руководителей кружков о том, чтобы специального заседания не устраивать, а лишь обменяться мнениями на ходу. Одновременно каждый руководитель кружка обязывался сообщить рабочим, чтобы последние не приступали к работе раньше, чем не будут выполнены требования конфетчиков, а также учеников и рабочих кустарных мастерских, каковым уже были вручены отпечатанные на гектографе общие требования для предъявления их работодателям. За стойкость ножевой фабрики мы были вполне спокойны, потому что там работало около сорока человек квалифицированных, приехавших из Риги, рабочих, среди которых было много партийцев, в большинстве рабочих и работниц конфетной фабрики мы тоже были уверены – единственное сомнение вызывали ученики и подмастерья-ремесленники.

Около десяти часов вечера выяснилось, что ряд кустарей-предпринимателей уступил требованиям подмастерьев и учеников, и нам пришлось решить, допустить ли их к работе или нет, было постановлено – там, где требования были выполнены, разрешить приступить к работе. Утром следующего дня руенский обыватель увидел небывалую для себя картину: обе

фабрики не работали, часть кустарных мастерских тоже бездействовала, а рабочие и работницы прогуливались около фабрик, дабы не допустить к работе «штрейкбрехеров».

К полудню на лошадях прибыло уездное «начальство», с уездным воинским начальником во главе, остановившись в гостинице Зейферт, «начальство» вызвало к себе своего младшего помощника Пржиалговского, фабриканта Гольдберга и других нужных ему лиц.

После некоторого совещания туда же были вызваны и делегаты и делегатки от конфектной фабрики для переговоров, последние ни к чему не привели, ибо Гольдберг на повышение заработной платы не шел и обещал дать прибавку лишь к Рождеству (время, когда усиливались заказы), в ответ на это делегация заявила, что рабочие к работе не приступят.

К вечеру на заборе завода появилось объявление с призывом к «честным» рабочим и работницам стать на работу, десяток таких «честных» рабочих нашелся, но не был допущен к работе остальными.

Так прошел день, уездный воинский начальник уехал вечером, а на смену ему с ночным поездом прибыл отряд пятнадцать-двадцать человек с ног до головы вооруженных казаков. У конфектной фабрики были выставлены часовые – группа штрейкбрехеров в десять-двенадцать человек вышла на работу, рабочие и ученики кустарных мастерских тоже, часть хозяев отказалась от своих обещаний рабочим, но рабочие ножевой фабрики, поддерживая неработающих конфекчиков, к работе не приступили.

Вечером по улицам демонстрировал отряд казаков, в темноте и в переулках кое-кто из штрейкбрехеров был побит камнями, а кое-кого из наших избili казаки...

Настроение падало. Хотелось довести начатое дело до конца, добиться удовлетворения требований рабочих, хотелось всеми силами помешать штрейкбрехерству, но мы чувствовали, что стоит лишь фабрикантам сделать некоторую уступку отдельным рабочим, от которых зависело пустить конфектную фабрику в ход, и наше дело будет проиграно.

Так и случилось – группе необходимой части рабочих и работниц было прибавлено, и те приступили к работе, остальных рассчитали и затем поодиночке принимали снова. С рабочими ножевой фабрики велись переговоры: последние, заявив, что они прекратили работу из-за солидарности к конфекчикам, потребовали уплатить за забастовочные дни и обещали приступить к работе. Фабрикант в уплате отказал, работа на фабрике не возобновлялась.

В период этого времени мы, несколько человек из нашей организации, говорящие сравнительно хорошо по-русски, получили задание завязать связь с казаками и «обработать» их. Сначала это удавалось очень туго, но постепенно шаг за шагом, подчас в беседе с ними за кружкой пива, дело дошло до того, что мы без стеснения совали им по карманам нашу специально для этой цели привезенную литературу и «прокламашки»; и в результате добились того, что однажды, «угостив» их как следует, мы, сидя с ними подвое в седлах, прокатились не только за городом, но и проскакали через центр местечка. Об этом стало известно «начальству», и наши друзья в непродолжительном времени были заменены другими.

Ножевая фабрика все еще не приступала к работе, и часть рабочих, не имея возможности долее существовать без заработка, уехала в Ригу, помочь им и воспрепятствовать этому мы не могли и не имели морального права, так как никакого забастовочного фонда у нас не было, а также никаких сумм не получали мы и из центра, если чем и помогали, так своими грошами и несданными членскими взносами, а эта помощь являлась каплей в море.

Фабрикант, наверное, учтя, что может остаться без квалифицированных рабочих и что, с отъездом остальной части их, придется закрыть фабрику или привезти новых квалифицированных рабочих, что в свою очередь связано с крупными расходами, решил выплатить оставшимся рабочим за забастовочные дни – рабочие приступили к работе. Это достижение явилось не только ярким солнышком в нашей дальнейшей работе, но и лучшим агитационным средством.

После этого опять, до самой осени 1905 года, работа стала протекать нормальным темпом. Помимо повседневной агитационно-организационной работы, необходимо было связаться с вновь прибывшим отрядом казаков, повести среди них пропаганду и проч.

Это дело оказалось не столь легким, ибо «начальство», наученное горьким опытом, издало по отряду ряд строгих приказов.

Мы ловили момент и пустили в ход наших девчат, сами провожая их на некотором расстоянии: девчатам было дано задание начать с казаками разговор, а там – и мы поспеем... Оказалось, однако, что и это средство не подходит: казаки избегали их. Тогда убедившись, что часть из них по вечерам прогуливалась на вокзале, решено было взять их пивом. Мы с товарищем Лисиц тоже участвовали вечерние прогулки на вокзал и как-то раз, поймав трех из них и завязав с ними разговор, предложили им выпить пива. Они сначала отказались, должно быть, стесняясь вместе с нами стоять у буфета на «глазах» у всех, да еще – станционного начальства. Продолжая, однако, разговор и предложив покурить, мы их отвели в сторонку и тут же для себя заказали пива, которое нам подали на скамеечку в углу (столиков там в Щ-м классе не было). Налив два стакана, мы все же предложили им выпить; поцеремонившись, они в конце концов стаканы приняли и выпили, прибавив, что пиво не в их вкусе и что они предпочитают водочку. За этим дело не стало, так как буфет торговал и водочкой.

За водочкой языки у наших будущих друзей развязались. Мы с Лисиц перевели разговор на тему о стоявшем у нас до них отряде, расхваливая тех ребят, которые с нами жили дружно, оказалось, что они об этом ничего не знают – они попросили нас рассказать об этом подробно, что мы с удовольствием и сделали.

Словом, расстались мы с ними по-дружески. Постепенно мы расширяли круг знакомства с отрядом, пока не перезнакомились со всеми казаками. А там пошли беседы, прокламации с угощением и прочее... Казаки, насколько это было по тем временам возможно, стали «свои ребята», и нам нечего было бояться, что они нас выдадут.

События подвигались, и мы готовились к чему-то такому, что должно было потрясти весь мир. Мы все были полны воодушевления, силы и энергии; нам казалось, что, дойди дело до вооруженного восстания, пустяком будет захватить всю власть в свои руки: ведь рабочих, батраков так много, полиции горсточка, а солдаты что – ведь, они сыны народа... Все это усиливало воодушевление и энергию к работе – подпольной, рискованной и опасной.

Военно-прокурорский надзор, давая впоследствии заключение по делу нашего восстания, так описывал весь этот период:

«...С начала 1905 года в посаде Руен, расположенном на линии Перново-Ревельского подъездного пути и его окрестностях, стали появляться разбросанные прокламации революционного содержания, до местной полиции доходили сведения о происходивших неразрешенных собраниях, которыми руководили приезжие лица. Осенью того же года по Руену распространился тревожный слух о предстоящих беспорядках, вследствие чего, с разрешения лифляндского губернатора, составила самооборона, в состав которой вошли наиболее интеллигентные и зажиточные элементы из числа жителей посада».

Вот эта-то самооборона и оказалась, как читатель увидит впоследствии, гибелью для «наиболее интеллигентных и зажиточных элементов» (читай местной буржуазии).

Как я уже сказал, мы готовились к вооруженному восстанию. Для этого нужно было оружие, кое-как мы наскребли среди своих товарищей для первого боевого отряда пару старых «бульдогов», наган, японскую винтовку с тремя патронами, одну шпагу и несколько охотничьих ружей. Надо было действовать, и уже к началу октября решено было обезоружить имение Гензельсоф.

По имевшимся у нас сведениям, в этом имении было сконцентрировано оружие всех удирающих в Фатерланд баронов-помещиков, что для нас, —имея в виду, что многие из них

были военные в отставке, – должно было составить целый клад. Операцию было решено про- извести ночью, перерезав телефонные провода, ведущие в имение.

В условленное число и час наш отряд, человек в десять-двенадцать, собрался в бли- жайшем лесу, имея с собой «когти» (кажется, так называется инструмент для взбирания на столбы).

Нужно сказать, что половина из нас была не вооружена и должна была вооружиться уже в имении—из отобранного там оружия. Мы выслали в имение разведку из двух человек, кото- рые должны были пробраться к тамошним горничным, и по старому знакомству, разузнав обо всем, сообщить остальным как обстоит дело, товарищи отправились, а для оставшихся в лесу наступили долгие минуты нетерпеливого ожидания.

Наконец, спустя час они явились со свистом, заявив, что мы опоздали и что баронская сволочь, еще за сутки до нашего появления, в полном вооружении удрала. Делать было нечего – пришлось пожалеть, что мы опоздали, и отправиться восвояси.

Наступили дни высочайшего манифеста от 17-го октября, и мы наполовину вылезли из подполья, организуя общие собрания с участием рабочей молодежи, а затем – и всех рабочих батраков и крестьян.

Необходимо здесь заметить, что первоначальные совместные собрания рабочих, батра- ков и крестьян носили массовый характер и вылились в единодушные протесты против пра- вительства Николая и его агентов – помещиков и фабрикантов, в отказ перевозить войско и отдавать своих сыновей на службу царскому правительству, однако, когда дело доходило до земельных реформ, собрания разбивались на две части: на батраков и рабочих, с одной сто- роны, и на так называемых крестьян-серых баронов, имевших по сорок и больше десятин земли и по двадцать-тридцать голов крупного рогатого скота, с выездными лошадьми и прочее, с другой.

Сделав эту маленькую оговорку, считаю долгом остановиться на одном из таких массо- вых собраний, назначенном на второе ноября 1905 года, и привести несколько строк из заклю- чения того же «военно-прокурорского надзора Петроградского военно-окружного суда» в лице помощника прокурора подполковника Павлова.

„... После опубликования высочайшего манифеста от 17-го октября на улицах Руена, а также и в помещении Руенского сельскохозяйственного общества начались собрания, преиму- щественно, рабочей молодежи, на которых обсуждались вопросы экономического характера. В населении стало наблюдаться революционное настроение. В самом конце октября 1905 года на улицах посада Руена появилось объявление от имени латышской социал-демократической рабочей партии в Риге, приглашавшее жителей собраться второго ноября к часу дня на митинг, в местное сельскохозяйственное общество.

Так как было ясно, что митинг будет носить противоправительственный характер, среди более консервативной части населения возник план, в разработке коего принял также уча- стие местный младший помощник уездного начальника Пржиалговский, – не допускать на митинг революционной пропаганды, с этой целью было решено: того же второго ноября, но с утра, в том же помещении устроить народное собрание, руководство коим возложить на волостного писаря Гринвальда – человека, известного не сочувствием революционным тен- денциям, предполагалось выяснить собравшимся положение вещей, созданное высочайшим манифестом, и таким путем парализовать влияние агитаторов. План этот, однако, потерпел неудачу. Петр Гринвальд был освистан и вынужден был покинуть зал собрания. Руководитель- ство митингом перешло в руки революционеров. Ораторами выступали бывший волостной писарь Яков Краузе, студент Аболтин и некий Клявин, личность коего установить не пред- ставилось возможным. Ораторы призывали собравшихся к борьбе с существующим государ- ственным и общественным строем, указывая на необходимость замены существующего строя демократически-республиканским.

С этого дня в помещении Руенского сельскохозяйственного общества народные собрания стали происходить чаще и чаще. Находившиеся в зале общества портреты государя-императора и государыни-императрицы были сняты. У входа, а также у эстрады, с которой произносились речи, был водружен красный флаг с надписью: Да здравствует революция. На эти собрания в значительном количестве стекались крестьяне окрестных волостей...

Независимо от сего в сельско-хозяйственном обществе происходили по вечерам, а иногда ночью, особые собрания, на которые публика не допускалась: в этих собраниях, носивших характер совещаний, участвовали вышеупомянутые – Аболтин, Краузе, Лукстин, Аус, смотритель-подрядчик Август Дамбит и некоторые другие, как, например, – С. Кукайт, Р. Рейн и Г. Свикис...

Изложенные обстоятельства нашли себе подтверждение в показаниях допрошенных на предварительном следствии свидетелей: бывшего младшего помощника Пржиалговского, врача Вольфа, бывшего старшины посада Руена – Пестмала, руенского купца Енде, пастора Бера, полицейских урядников Аспера и Резгала, фельдшера Зумента, жены руенского священника Варвары Карклиной, учителя Путрайма и других.

В двадцатых числах ноября 1905 г. по Вольмаркскому уезду разнесся слух, будто приближаются какие-то банды хулиганов и грабителей, получивших наименование «черной сотни». Распространившийся чрезвычайно быстро, слух этот взволновал местное население: многие из жителей стали прятать свое имущество и уходили в леса; возник вопрос об организации самообороны и о приобретении для этой цели оружия. В этот период времени в посаде Руен молодежь, хотя и принадлежавшая к революционному лагерю, оказывала содействие полицейской власти в борьбе с преступными элементами.

Такое положение вещей продолжалось, однако, недолго. Воспользовавшись тревожным состоянием населения, революционные агитаторы стали разъяснять народу, что «черная сотня» вызвана немцами-помещиками для борьбы с крестьянами, что у помещиков имеются значительные запасы оружия, предназначенные для вооружения «черной сотни», что вследствие ходатайства помещиков в Лифляндскую губернию будут посланы войска. Термин «черная сотня» мало-помалу изменил свое первоначальное значение: благодаря указанной выше агитации, этим названием именовались сами помещики, представители правительственной власти и все те вообще, кто проявлял не сочувствие революционному движению. Поступки отдельных лиц, проявивших чем-либо подобное не сочувствие, публично обсуждались на митингах. Так, например, руенские купцы Титьенс и Берглунд, заподозренные в распространении антиреволюционных изданий, по постановлению митинга были подвергнуты бойкоту.

Такое же обвинение было предъявлено на одном из митингов пастору южно-руенского прихода – Бери, который был даже вызван для публичных объяснений по этому поводу в народное собрание.

Пропаганда велась в духе программы социал-демократической партии, конечная цель которой, как видно из приложенной к делу программы ее, сводилась к ниспровержению установленного в империи основными законами государственного и общественного строя и замене такового демократической республикой.

В самом Руене образовалась районная организация этой партии, присвоившая себе название «Полевой центр Пламя», участники этой организации собирались в доме крестьянина Карла Кальценау, в особой квартире, снятой двадцатого ноября 1905 года крестьянином Рихардом Рейном и Вилюмом Грозиным, в этом же помещении, получившем название бюро, принималась запись лиц, желавших принять участие в деятельности партии и вносящих членский взнос в размере двадцати копеек в месяц. Молодые люди, записавшиеся в число членов партии, открыто называли себя социал-демократами или социалистами, играли на митингах роль распорядителей, носили сначала красные, а потом синие бантики, ходили по Руену воору-

женные, распространяли нелегальную литературу и назначали из своей среды патрули, охранявшие Руен от «черной сотни».

Как видно из приведенной выше выдержки из обвинительного заключения царского прокурорского надзора, агенты царского правительства были слишком далеки от суровой действительности, предполагая, что поток революционной волны можно удержать подставными, верными правительству Николая людьми, – о чем свидетельствует освистание Гринвальда, принужденного покинуть собрание.

Работа (свыше года) «Полевого центра Пламя» Латышской Социал-Демократической Рабочей Партии, насчитывавшей в своей среде около 150 членов, имевшей связи с фабричными рабочими, учениками и рабочими кустарных мастерских, с батраками «серых» и действительных баронов, не могла не сказаться на ходе революции 1905 года хотя бы части Прибалтики.

Если изданный «милостивый манифест» царя, пущенный в ход как последнее средство для обмана народа, не мог изменить хода революционных событий, то тем более никакие выступления услужливых людишек из лагеря желтого предательского интернационала никакого влияния на эти события иметь не могли, и события шли своим чередом, – шли неудержимо, как весенние воды, срывая на пути все преграды и препятствия.

Но оставим опять на минутку в стороне заключение прокурорского надзора и вернемся к происходившим событиям-

Выйдя из подполья и перенеся работу нашего бюро в мою квартиру, в доме Кальценау, наша организация приступила к вовлечению в партию широких масс рабочих и батраков, одновременно давая всем им всевозможные необходимые справки и инструкции – как вести работу по созданию новой пролетарской власти.

Перед нашей организацией стояли две очередные задачи: во-первых – иметь в достаточном количестве свои печатные прокламации, воззвания, революционные песни, резолюцию Рижского конгресса и прочее, которых центр Латышской Социал- Демократической Рабочей Партии не мог дать нам вовремя и в достаточном количестве, и во-вторых – добыть оружие.

Поскольку в подполье, как ученик типографии, подчас работая по ночам, я мог обслуживать, втихомолку от хозяина, скромные нужды нашей организации в печатном материале, – постольку теперь, когда потребность в этом отношении возросла в сотни раз, это представлялось совсем невозможным, и было решено закупить свой шрифт и набирать дома, покуда же, до окончательного перехода власти в наши руки, печатание всей более сложной нелегальной литературы возложить на меня же, а более официальную заставить печатать моего хозяина. Здесь я должен оговориться, – и пусть это будет небольшим упреком нашим руководителям, из которых некоторые еще здравствуют, – что как в вопросе печатания изданий, воззваний и прокламаций, так и в вопросе об оружии (как впоследствии убедится читатель) ими была проявлена нерешительность и чрезмерная «интеллигентность», и в этих, как и в других вопросах, рядовые товарищи-партийцы шли впереди своих руководителей, предлагая действовать по-революционному.

Покончив наполовину с печатным вопросом, нужно было обеспечить и оружейный.

Будучи членом бюро и заведующим оружием, я больше всего беспокоился о последнем, так как ни на складе, ни на руках у патрульных, кроме кое-какого револьверного хлама, ничего не было, а вооружение требовалось до зарезу.

Переговорив с руководителями, а именно с Краузе (впоследствии перекочевавшим в лагерь желтых), Лукстиным и Аболтиным, я предложил произвести разоружение имений, а затем и полиции, и начать с имения Виркен. Первые два никак не соглашались на это, – особенно в отношении Виркен, так как, мол, управляющий имением сам обещал завтра-послезавтра привезти все оружие, а товарищ Аболтин, соглашаясь со мной, почему-то не хотел действовать более самостоятельно, хотя и имел, как представитель центра, полное право на это.

Мне это показалось подозрительным, и я решил действовать самостоятельно. Обмозговав совместно с наиболее близкими товарищами дело разоружения имения Виркен, я несколько спустя все же доложил об этом Аболтину, который тут же санкционировал мой план, заявив, что он и сам не вполне согласен с Краузе и Лукстиным, ибо они начали вести какую-то соглашательскую политику.

Так как уже был вечер (числа не помню, должно быть – в конце ноября или первого декабря), а имение находилось в четырёх верстах от местечка, то, следовательно, надо было действовать без промедления.

По имевшимся у нас сведениям, имение охраняли вооруженные с ног до головы черкесы, специально истребованные помещиком еще в сентябре- октябре 1905 года для охраны, а так как у нас, как я уже сказал, оружия почти не было, то надо было как-нибудь восполнить этот пробел, и мы пустились на хитрость.

Пригласив человек 100 отправляющихся с собрания домой батраков присоединиться к нашему, на скорую руку организованному отряду человек в десять, мы направились к имению, выломав по дороге соответствующее количество молодых ивовых веток – длиной с винтовку, – концы и ободранные места которых замазали грязью; эти дубины и должны были служить нам при лунном свете «винтовками».

Таким образом, у нас образовался отряд, численностью свыше 100 человек. Выстроив его на шоссе по четыре человека в ряд и скомандовав «на плечо», мы сами удивились, как в ночной темноте, при тусклом лунном освещении, наша дружина смахивала на вполне вооруженный отряд, ибо у каждого над плечом торчало что-то весьма похожее на дуло винтовки.

План разоружения имения был таков: подставные сто человек, окружая имение, должны были спрятаться за деревьями с палками на перевес, с таким расчетом, чтобы создать впечатление вооруженных людей наготове; нам же, десяти лицам, частично кое-как вооруженным старыми «бульдогами» с неполным комплектом патронов, охотничьими ружьями и прочим оружием, надлежало разделиться на две группы, из которых одна должна была занять парадный вход, а другая – черный, причём при обнаружении хотя бы одного ружья, мы должны были сейчас же передать его невооруженным.

Подойдя к имению со всеми предосторожностями, по возможности бесшумно, «палочники», как и было предположено, окружили его «бегом»; остальные же две группы бросились к входам и немедленно постучали. Я стоял во главе группы, занимавшей черный ход, и мой отряд расположился вплотную к дверям так, чтобы, по открытии их, вход оказался бы в нашем распоряжении. Изнутри раздался вопрос:

— Кто там?

Когда было отвечено, что стучатся представители Руенского Бюро, дверь распахнулась и в ней показался ствол ружья.

Схватив его левой рукой и приподняв, я правой направил дуло своего револьвера против человека, державшего это ружье, с возгласом:

— Ни с места—застрелю!

Человек выпустил из рук ружье и стал как вкопанный.

Человек этот оказался лесничим помещика и родственником управляющего имением, выставленное им трехствольное ружье, изукрашенное серебром на прикладе, было его собственным. Позади него стоял его помощник, также вооруженный охотничьим ружьем, которое у него тут же и было отобрано. Захваченным оружием сейчас же были снабжены двое невооруженных из нашего отряда.

Тем временем парадный ход был занят другой частью нашего отряда, и мы уже встретились в барских палатах, тщательно все обыскивая. Обнаружено было порядочное количество всякого оружия, боевых припасов и другого снаряжения, правда, часть ружей была очень старых образцов, но в условиях нашего оружейного голода это было вполне пригодно.

Покончив с обыском и не найдя нигде черкесов, мы потребовали от управляющего указать, где они спрятаны, пригрозив, что если он не скажет, а мы сами их обнаружим, то ни им ни ему не поздоровится, в ответ на это он нас заверил, что их нет и никогда не было.

Расспросив ряд батраков, мы убедились, что черкесов, действительно, уже нет, но что несколько недель тому назад они здесь еще были. Мы решили было уже отправиться в обратный путь, как вдруг узнали, что в имении находятся две пушки; мы снова вернулись к управляющему и потребовали их выдачи. Его отрицания и прочие рассуждения заставили нас прибегнуть к угрозе, после чего пушки нашлись, правда, дюймового калибра, старого образца, зажигаемые фитилем. Со словами – и это пригодится, мы привязали к ним по бечевке и потащили за собой.

Поблагодарив наш «палочный отряд» за соучастие в деле, мы отправились к местечку, предварительно, по случаю первого успеха, сделав несколько выстрелов в воздух из только что приобретенных трофеев.

Подходя уже к местечку, мы увидели, что к нам навстречу едут две подводы, на одной из которых сидит урядник, руенский фельдшер Зумент, кожевник Кюнс и еще кое-кто из зажиточно-консервативного элемента.

Мы остановили их и спросили, куда и зачем они едут. Они ответили, что услышали выстрелы (прямым путем—имение от местечка в двух верстах) и, узнав в Бюро, что мы отправились на разоружение имения, и предполагая, что могут быть раненые, поспешили к нам на помощь с медикаментами и перевязочными средствами.

Мы им посоветовали, во избежание недоразумений, впредь этого не делать, ибо прекрасно понимали, что это за помощники, из человеколюбия спешившие нам на помощь...

Придя в Бюро и обрадовав других товарищей захваченными трофеями, мы тут же все добытое распределили между нашими членами.

Так разоружили мы первое имение.

Многим из молодежи,—комсомольцам и пионерам,—может быть, прием «палочного» вооружения для разоружения имения, где может быть оказано сопротивление, покажется диким, а, может быть, и ребяческим, но тогда, осенью 1905 года, когда скулы дрожали у помещиков, он не был ни диким, ни ребяческим.

Дальнейшее разоружение имений—Геринсгоф, Аррос, Мецкюль, Мойзекюль, Зенерсгоф, Гейзельсгоф, Олерсгоф, Пайпс и другие – происходило уже более нормальным порядком, так как с каждым очередным случаем мы приобретали изрядное количество нового вооружения. Такие же разоружения были произведены и в соседнем с нами Салисбургском районе, с которым мы держали связь.

Покончив с имениями своего района, мы решили приняться и за полицию, которая изрядно мозолила нам глаза – было постановлено продемонстрировать совместную встречу салисбургской конницы с нашей пехотой и в тот же день обезоружить полицию. День встречи был назначен на воскресенье, 11-го декабря, когда и прибыла салисбургская конница, под командой Кришьяна Боча, в Руен. Наша пехота вышла с музыкой и песнями навстречу салисбургцам, за версту от местечка, где с обеих сторон были произведены приветственные салюты и произнесены речи. Соединившись в одну общую вооруженную массу, оба отряда прибыли в местечко Руен и приступили к разоружению полиции.

Военно-прокурорский надзор, в лице подполковника Павлова, по поводу этих событий пишет:

«На тех же основаниях, как и в Руене, народная милиция создавалась и в посаде Салисбурге, находящемся от первого в расстоянии двадцати пяти верст.

В воскресенье, одиннадцатого декабря 1905 года, салисбургские милиционеры, под командой Кришьяна Боча, прибыли верхом в Руен, где произошла торжественная встреча с

местной милицией. Соединившись, салисбургские и руенские милиционеры с музыкой и красными флагами прошли по посаду.

В тот же день, то есть одиннадцатого декабря 1905 года, все чины руенской полиции, а именно—младший помощник уездного начальника Пржиалговский, полицейские урядники Бейнар, Траулин, Аспер и Резгал и жандармский унтер-офицер Ковально, были обезоружены соединенными силами руенских и салисбургских революционных элементов.

Около трёх часов дня значительное число конных и пеших вооруженных революционеров прибыли к дому, в котором помещалась квартира и канцелярия местного младшего помощника. В то время, как большинство оставалось на улице, несколько лишь десятков вошли во двор дома, а оттуда внутрь квартиры и канцелярии господина Пржиалговского. В присутствии последнего, жены его, писцов, служанок революционеры, обыскав несколько раз жилую квартиру, канцелярию и даже клеть в канцелярии, несмотря на протесты младшего помощника, самовольно отобрали все найденное в этих помещениях оружие: ружья, револьверы, патроны».

Далее, обвинительное заключение трактует о том, при каких условиях были обезоружены урядники, стремясь их выставить в выгораживающем последних свете, – указывая на оказанное якобы ими сопротивление и прочее между тем ни один из них не только не посмел оказать сопротивление, но даже и пикнуть, ибо слишком много вреда принесли они всему трудовому народу, защищая за взятки воров и разбойников, прикрывая их злодеяния и обижая трудовой народ.

С разоружением полиции, можно сказать, власть царского правительства окончательно прекратила свое существование в тех районах Прибалтийского края, где восставший народ вершил свои судьбы.

На основании постановлений Рижского конгресса, да, кстати сказать, и создавшегося положения, нужно было не только подумать об организации своей рабоче-крестьянской власти, но и создать таковую, – размышлять об этом было уже нечего, так как еще в начале восстания этот вопрос был предрешен.

Поэтому, обезоруживая помещиков, серых баронов и полицию и вооружаясь, восставший народ, держал непрерывную связь с прилегающими районами и прерывая эту связь по правительственной линии, ждал момента захвата свергнутой власти в свои руки.

Оперируя документами того же прокурорского надзора, мы в этом вопросе имеем следующие картины:

С несомненной целью прервать сношения Руена с другими местностями, революционеры повредили телеграфное и телефонное сообщение. В первый раз повреждение было обнаружено вечером десятого декабря. Тотчас же по обнаружении надсмотрщик руенской телеграфной конторы Карл Лездин в сопровождении почтальона Индрика Кукайна отправились в революционное бюро, находящееся в доме Кальценау, где среди других лиц застали Емельяна Аболтина и Михаила Аболтина. На вопрос Лездина, почему повреждены телеграфные провода, студент Емельян Аболтин ответил:

— Нечего ходить справляться, объясняться мы не будем, раз сделано, значит так и надо.

На следующий день повреждение телеграфных и телефонных проводов было обнаружено и в других местах, снятой со столбов проволокой была забаррикадирована дорога, ведущая в лютеранскую церковь, недалеко от коей были расположены вооруженные патрули, чтобы не пускать народ на богослужение, в этот же день в Руене состоялся митинг, и были приняты меры, чтобы народ шел не в церковь, а на сходку. Шестнадцатого декабря почто-телеграфный надсмотрщик Лездин вместе с почтальоном Кукайном приступили к исправлению поврежденной революционерами телеграфной линии. Во время работы подошел Рихард Озолин вместе с тремя неизвестными лицами, вооруженными, как и сам Озолин, и предложил прекратить исправление, заявив, что если его не послушают, то они явятся в большем числе и произведут новые повреждения. В виду подобных угроз работа была приостановлена.

Руенская революционная организация принимала также деятельное участие в проведении политической забастовки на Перново-Ревельском узкоколейном пути. В этом отношении предварительным следствием установлено нижеследующее:

«Десятого декабря 1905 года, в восемь часов вечера, со станции Мойзекюль по направлению к станции Валк был отправлен, согласно расписания, товаро-пассажирский поезд № 6, прибывший в Перново. Установленного телеграфного предупреждения о выходе поезда дать нельзя было, так как сообщение оказалось прерванным, железнодорожного телеграфа на Перново-Ревельском пути не существует. С этим поездом выехал из Мойзекюля конторщик Соболевский. По прибытии на станцию Руен, где уже находились местные революционеры, – и среди последних – Михаил Аболтин и Рихард Озолин, – Болеслав Соболевский стал разыскивать студента Аболтина, после переговоров с каким-то молодым человеком, заявившим, что он прислан Аболтиным. Соболевский сказал машинисту, что поезд дальше не пойдет. Машинист не имел возможности противиться требованиям революционеров, собравшихся около паровоза, тем более что один из них – Михаил Аболтин – в виде угрозы два раза выстрелил в воздух. Поезд около двенадцати часов ночи вернулся на станцию Мойзекюль, после чего в контору названной станции вошли три неизвестных лица, в сопровождении Болеслава Соболевского, и потребовав начальника станции Лугуса, в присутствии его и телефониста Юрисона передали в Пернов по телефону записку следующего содержания: «Номер 1032, по всем станциям Перново-Ревельского пути. Товарищи! Над нами произволы и насилия. Всероссийский железнодорожный союз в своем заседании от восьмого декабря решил всеобщую политическую забастовку, чтобы дать последний удар остаткам самодержавия, с лозунгом —«Долой произвол и насилия. Да здравствует конституция. Об этом и объявляем. И вы, товарищи, как присоединившиеся к Всероссийскому железнодорожному союзу, должны поддержать ее, а именно прекратить все занятия с момента получения этого извещения. Помните, товарищи, кто не присоединится к этой забастовке, тот не солидарен со всем народом, со Всероссийским железнодорожным союзом, тот враг народа и рано или поздно будет наказан. Всероссийский железнодорожный союз».

Этим актом началась политическая забастовка на Перново- Ревельском пути, длившаяся неделю, в течение которой движение поездов производилось лишь для революционных целей. Одним из проявлений преступной деятельности руенских революционеров в конце 1905 года является организация Руенской городской думы и Руенского городского суда. Посад Руен, расположенный на казенной земле, не имел подобно соседним волостям органов самоуправления или выборного суда, из местных жителей избирался старшина, на обязанности которого лежал сбор казенного оброка с жителей посада и пересылка такового по назначению. Еще до революционного времени, в целях благоустройства посада, местным младшим помощником уездного начальника возбуждалось, в установленном порядке, ходатайство о присвоении Руену прав города, переписка по этому вопросу была представлена в министерство внутренних дел. Между тем, согласно постановления Рижского конгресса волостных делегатов, как было указано, во всех волостях начали создаваться новые учреждения на демократических началах. При обсуждении этого вопроса лицами, собравшимися в сельскохозяйственном обществе, мнения распались: одни стояли за подчинение Руена соседнему (Торнейскому) распорядительному комитету, другие – о выделении Руена в самостоятельную единицу. Последнее мнение восторжествовало. Тридцатого ноября 1905 года были созваны в помещение сельхоз общества жители посада Руен. На собрании был произнесен ряд речей, в коих собравшихся убеждали сместить законных должностных лиц посада в виду их непригодности, присвоить Руену городские права и избрать новых должностных лиц для исполнения административных и судебных функций. Собрание согласилось с предложением ораторов, и первого декабря в том же помещении происходили так называемые городские выборы, в которых приняли участие лица обо-его пола, достигшие двадцатилетнего возраста. Несколько человек, – в том числе Лус, Клуцис и Дамбит, вероятно, уполномоченные предшествовавшим собранием или по собственной иници-

циативе,— раздавали избирательные листки, на которых должны были быть написаны имена кандидатов для должностей городского головы, помощника головы, членов думы, секретаря последней, городских судей и кандидатов в судьи. Результат выборов был объявлен шестого декабря.

Того же шестого декабря состоялось первое заседание Руенской городской думы. Был прочитан заранее составленный проект постановления, которое и было принято. Было решено: причислить к городу всех живущих на земле посада и обложить городским сбором; эксплуатировать в пользу города расположенные на ярмарочном плацу лавки, освободить квартиру, безвозмездно занимаемую урядником в посадском доме, и отобрать от посадского старшины Пестмала делопроизводство и кассу. Для исполнения последнего пункта было назначено несколько лиц.

Вслед за этим те же лица отправились в посадскую канцелярию, придя в которую, Лукстин и Аус приказали рассыльному Заккису снять и вынести висевший на стене портрет государя- императора со словами: «Теперь его нам не нужно, рама может пригодиться».

В том же декабре 1905 года мировой судья 16-го участка Рижско-Вольмарского округа Андзауров, проживавший в Вольмаре, но временно заменявший мирового судью 16-го участка, камера которого находится в посаде Руене, в виду полученных сведений о происходящих в Руене беспорядках, письменно запросил об этом Карла Ауса, служившего, как и Ян Клуцис, при канцелярии 18-го мирового участка. В ответ Лус прислал письмо, в котором, между прочим, говорится: «это не верно, что у нас беспорядки, у нас теперь народный суд и народная милиция и все будет благополучно, если только не вмешается правительство. Все реформы идут мирным путем". Тем не менее г. Андзауров распорядился о присылке ему в Вольмар дел 18-го мирового участка. Среди последних было обнаружено производство о каких-то выборах и переписка, относящаяся к деятельности народного суда, на л а т в с к о м языке (разрядка автора). По просмотре знающим этот язык почетным мировым судьей фон-Книримом, документы эти, видимо, ошибочно и по недосмотру забытые Аусом и Клуцисом в делах, были отосланы в распоряжение военных властей. Участие упомянутых выше Ауса и Клуциса в революционных событиях описываемого периода оказалось также и в двух нижеследующих эпизодах, установленных предварительным следствием: руенский купец Генрих Титъенс, в виду объявленного ему на одном из митингов бойкота за распространение антиреволюционных изданий, обратился по этому поводу к Якову Краузе, который, в свою очередь, посоветовал переговорить с Аусом и Клуцисом. При этом как Краузе, так и Аус и Клуцис заявили, что это зависит не от каждого из них в отдельности, а от «бюро», участниками коего они состоят. Бюро это Краузе и Клуцис называли «бюро самозащиты». При содействии участников руенского преступного сообщества, в окрестностях к Руену осуществлялась вышеприведенная резолюция Рижского конгресса от 19 ноября 1905 года.

Члены сообщества являлись в волостные дома на митинги, произносили там революционные речи, призывавшие к ниспровержению существующего строя, настаивали на немедленном смещении законных должностных лиц и на замене их, согласно решению конгресса, самовольно избранными «распорядительными комитетами» и «новыми волостными судами».

Выборы новых должностных лиц происходили под наблюдением руенских революционеров, находивших себе поддержку среди местных крестьян, преимущественно класса батраков. Значительное число лиц, избранных в состав названных учреждений, никакого отношения к революционному движению не имело; избрание совершалось, вопреки их желанию и несмотря на категорические протесты, благодаря давлению агитаторов, являвшихся на митинги, по большей части, вооруженными и не стеснявшихся грозить упорствующим явным насилием. О предстоящих митингах и о необходимости произвести новые выборы окрестное население оповещалось на собраниях в Руене. В течение декабря 1905 года, под руководством участников

руенского сообщества, незаконные учреждения были введены в следующих волостях: Руенской, Торнейской, Аррасской, Мойзекульской, Тенигской, Иппикской и Мецкульской.

Активной деятельности новые учреждения почти не проявляли как по причине кратковременности их существования, так и в виду непонимания избранными лицами лежавших на них обязанностей. Приводились в исполнение состоявшиеся ранее в законном порядке постановления схода выборных о выдаче бедным пособия, уплате жалования писарю и т. п.

В некоторых волостях, – как например, в Руенской и Торнейской, – списки кандидатов, предположенных к избранию в состав незаконных учреждений, заранее составлялись в Руенском «бюро».

Вместе с участниками руенского сообщества в декабре 1905 г. в иппикский волостной дом приезжал Роберт Снедзе, который, будучи избран письмоводителем «распорядительного комитета», вел протоколы сходов, составил протокол об отобрании у законных должностных лиц делопроизводства и, наконец, поселился в иппикском волостном доме.

В 20 числах декабря местной полиции было прислано объявление временного прибалтийского генерал-губернатора, коим население призывалось оказывать содействие военным властям и выдавать агитаторов. Писарь Иппикской волости Яков Страздин, вынужденный на время существования «распорядительного комитета» переселиться из волостного дома к своему родственнику, изготовил копии с означенного объявления и разослал их по волости. За этот поступок квартира Страздина подверглась нападению со стороны нескольких лиц, во главе с Робертом Снедзе и живущим в посаде Руене Рикардом Озолиным. Спасаясь от нападения, Страздин выскочил из окна второго этажа и при падении повредил себе ногу. Его подняли и отнесли в квартиру. При этом Снедзе и Озолин, упрекая Страздина в «содействии правительству» и в том, что он мешает «их действиям», грозили арестовать его и отправить в Руенское бюро. Около того же времени упомянутый Озолин, в разговоре с крестьянином Иппикской волости Индриком Купечи, сообщившим о приближении войск, высказал, «что следовало бы всему народу сплотиться и выступить против войск, так, как только борьбой можно добиться своего».

Так характеризует «прокурорский надзор» организацию, восставшим народом, своей власти.

Но во всем этом документе бывший военный прокурор Павлов прав лишь в том, что при содействии участников руенского «преступного», по его мнению, сообщества осуществлялись резолюции Рижского конгресса, – при чем осуществлялись, по моему мнению, к сожалению, недостаточно быстро и твердо; ни членов распорядительного комитета, ни членов нового суда никто не принуждал к исполнению обязанностей, но, будучи избраны преимущественно из батраков и рабочих, таковые сами стремились к исполнению этих обязанностей, дабы наладить дела своего самоуправления.

Что же касается выставления кандидатов в члены распорядительного комитета и нового суда, то царскому суду и прокурорскому надзору, при всей тщательности следствия и создания впоследствии 12-ти толстейших томов по нашему делу, все же непонятно было партийное руководство этим движением, – и в этом вопросе в настоящее время каждый комсомолец и пионер может дать этим «многоученым спецам» девяносто девять очков вперед, заявив, что, наверное, списки кандидатов предположенных к избранию лиц заранее составлялись в Руенском «бюро» не только по Торнейской и Руенской волостям, но по всем волостям.

Из всего сказанного видно, что восставший народ Прибалтики шаг за шагом, вооружаясь и создавая свою власть, завоевывал свои позиции.

Как уже было сказано, мы держали связь с прилегающими к нам районами, в том числе и с Эстляндией; эта связь выражалась, главным образом, – не придерживаясь формально резолюций Рижского и Ревельского конгрессов, – в совместных действиях и характеризуется тем же Павловым так:

«Политические беспорядки в Мойзекульской волости, вследствие того, что население последней смешанное латышско-эстонское, явились результатом взаимодействия революционных организаций как латышских, так и эстонских.

В то время, как представители волостей с латышским населением собрались 19-го ноября 1905 года в Риге, эстонские делегаты съехались 27-го ноября в Юрьеве. Здесь представители эстонского населения разбились на две группы:

группу умеренных или Тенисоновскую, собрания которой происходили в помещении Общественного Собрания, известного под именем «Бюргермуссе», 2) группу крайних, заседавшую 27, 28 и 29 ноября в актовом зале императорского Юрьевского университета – зал этот носил специальное название «Аула», почему и группа собравшихся там делегатов получила название «группы Аула». Резолюция последней, приобщенная к настоящему делу, приближается по-своему содержанию к резолюции Рижского конгресса 19-го ноября. Находя, что невыносимое и паническое положение России может только в таком случае улучшиться, если теперешнее насильственное правительство будет свергнуто революционным народом, «группа Аула» призывает народ к борьбе с правительством, рекомендуя при этом, между прочим, нижеследующие средства:

немедленное учреждение как в городах, так и вне городов «революционного самоуправления»;

безусловное бойкотирование учреждений и представителей существующего правительства;

немедленное закрытие пивных и монопольных лавок, корчем, винных и пивных заводов;

бойкотирование военной службы «всеми мерами», имеющимися в руках народа, а именно – в случае, если рекруты будут отправляться насильно, защищать их соединенными силами по установленному плану; войску не давать помещения, фуража, продовольствия, подвод, озаботиться, чтобы поезда не перевозили солдат;

бойкот существующих судебных установлений и избрание на их место из среды народа – новых;

если начнется всеобщая политическая забастовка, поддерживать ее всеми способами, которые препятствуют действиям правительства;

добиваться всеми силами: освобождения политических страдальцев, удаления войск из Манчжурии, упразднения военных законов и судов, смертной казни, роспуска армии по домам и раздачи оружия народу; для сохранения нынешних и для приобретения новых прав следует вооружить по возможности весь народ и учредить в городах и волостных пунктах народное войско или милицию.

По мнению «группы Аула», предъявляющей требование об учреждении в России демократической республики, борьба с существующим правительством должна продолжаться до созыва Учредительного собрания на началах всеобщего, равноправного непосредственного, тайного выбора, без различия пола, лицами, достигшими 20-летнего возраста.

Аграрный вопрос, по постановлению группы, может быть разрешен только на основании социал-демократического учения, а именно таким образом, чтобы вся страна, как и все орудия производства были превращены в общую собственность. Для этой цели делегаты находят нужным лежащие на податных сословиях повинности (например, исправление дорог, поставку подвод, регулятивные подати, работу для имений) отменить, равно как и особые права и преимущества мызных земель (право на рыбную ловлю и охоту, право постройки мельниц, майоратное право, право приготовления алкоголя и торговли им и прочее), церковные, монастырские, дворянские и казенные земли отобрать безвозмездно и разделить среди безземельных. Далее «группой Аула» постановлено, для улучшения жизни рабочих, осуществить свободу забастовки и созывов, бойкотировать паспортную систему и все документы, в которых приво-

дятся сведения о сословии, и, наконец, избрать центральное бюро из пяти членов, которое в свою очередь тайно избирает заместительное бюро.

Таким образом, резолюции эстонских делегатов группы «Аула», постановленные в Юрьеве двадцать седьмого-двадцать девятого ноября 1905 года, как и резолюции Рижского конгресса латышских делегатов девятнадцатого ноября того же года, ставят конечной целью, как и социал-демократическая партия, путем насильственного захвата замену существующего в России государственного строя демократической республикой и общественного строя строем социалистическим».

Обрисовав совместные цели и задачи латышского и эстонского пролетариата, «прокурорский надзор» перечисляет ряд действий по установлению пролетарской власти на прилегающих к Латвии эстонских территориях.

Я не склонен останавливаться на общих фактах этих действий, но приведу и разъясню лишь два факта из них, для полноты общей картины, касающейся призывников.

Общие директивы партии, как видно из выдержек резолюций обоих конгрессов, в вопросе о новобранцах и обслуживании правительственных войск были таковы: «Бойкотирование военной службы всеми мерами, имеющимися в руках народа», а именно—в случае, если рекруты (новобранцы) будут отправляться насильно, защищать их соединенными силами, по установленному плану; войску не давать помещения, фуража, продовольствия, подвод; озаботиться, чтобы поезда не перевозили солдат».

Эти директивы партии всеми местными организациями, в частности—нашим „Полевым центром Пламя“, были выполнены полностью.

Проведя широкую кампанию, с соответствующими резолюциями самих новобранцев, об отказе от военной службы и проч., надо было препятствовать отправке малодушных и „сынков“ серых, услужливых слуг царскому правительству, баронов, а также помочь тем, которых на военную службу отправляли под конвоем.

Об этих событиях прокурорский надзор повествует так:

«Участники Руенского сообщества принимали всевозможные меры к тому, чтобы новобранцы призыва 1905 г. не явились на службу. С этой целью революционеры приходили на станцию Руен, уговаривали молодых людей не ездить, а не согласившихся вытаскивали даже из вагонов. Так, например, крестьянину Роберту Свикису, призванному на военную службу, пришлось три раза являться на станцию и лишь на четвертый удалось уехать. По удостоверению помянутого свидетеля, а равно и станционного весовщика Карла Янсона, в числе лиц, приходивших на станцию в целях препятствовать отъезду новобранцев, замечены: студент Аболтин, Лукстин, Рикард Рейн, Гуго Свикис и Михаил Аболтин.

Независимо от этого революционеры являлись в контору станции Руен и заставляли агентов дороги передавать по телефону в Пернов заведующему проездыми путями содержание записок, заключавших в себе требования: не выпускать воинских поездов, не перевозить почты, не продавать на станциях спиртных напитков и тому подобное. Записки оканчивались словами: «Да здравствует социал-демократия». Показаниями весовщика Янсона и трактирщика Буйлиса установлено, что для передачи указанных требований на станцию Руен являлись: один раз – Михаил Аболтин и Рикард Рейн, другой раз – Михаил Аболтин, Рикард Рейн и Гуго Свикис, в третий раз – М. Аболтин и Петр Пайст.

Шестого декабря 1905 года со станции Ревель Перново-Ревельского подъездного пути был отправлен, в сопровождении команды 90-го пехотного Онежского полка, под начальством подпоручика Дмитриева, воинский поезд с новобранцами для следования в Валк. Около 2-х часов утра седьмого декабря поезд прибыл на станцию Мойзекуль, где по установленному порядку производится смена паровоза и машиниста. Тотчас по остановке поезда к машинисту Бубенко, бывшему еще на паровозе, подошел конторщик местного начальника дистанции Соболевский и передал какую-то записку. Не читая последней, Бубенко передал ее стоявшему

подле паровоза стрелочнику Пайю, полагая, что она относится к тому из машинистов, который поведет поезд дальше. Когда место Бубенко занял машинист Кук, стрелочник вручил последнему упомянутую записку. Текст записки оказался следующим: «Господам машинистам, едущим с новобранцами. Машинисты, предупреждаю вас от социал-демократического комитета взять обратно новобранцев. Если вы этого не исполните, то лишитесь жизни. Член комитета», – подписи не было.

Прибывшие новобранцы вышли из вагонов. Кто-то из публики, находившейся на станции, обратился к ним с речью, в которой указывалось на бедственное положение солдат. Когда, по распоряжению поручика Дмитриева, солдаты начали удалять с дебаркадера посторонних лиц, кем-то из последних был сделан выстрел, на который нижние чины, в свою очередь, ответили выстрелами. Однако, ни с той, ни с другой стороны раненых не оказалось.

В виду полученных сведений, что на станции Руен революционеры предполагают устроить демонстрацию, было сделано распоряжение миновать эту станцию без остановок.

Между тем руенские революционеры, получив сведения о предстоящем проходе воинского поезда, в количестве двадцати-двадцати пяти человек, из коих большая часть была вооружена ружьями, собрались на станции Руен 6-го декабря около 12 часов ночи.

По удостоверению Энзина, революционеры решили задержать новобранцев, имевших в ночь на седьмое декабря проехать мимо станции Руен. Для этой цели студент Аболтин заранее отправился на станцию Мойзекюль, а Лукстин собрал единомышленников в Руене. Около полуночи революционеры, вооруженные ружьями и револьверами, под командой Лукстина отправились на станцию. Среди них, помимо самого Энзина, по словам последнего, находились: Рейн, Грозин, Плотнек и портной Клявин. За некоторое время до прихода воинского поезда, Лукстин расположил свою команду подле станционного пакгауза, Рейн был оставлен на станции для уговора новобранцев. В случае, если бы последние не согласились остановить поезд, было решено по свистку Лукстина открыть стрельбу, чего, однако, по словам Энзина, сделано не было.

По описанию агентов дороги и чинов жандармского надзора, происходившие на станции Руен в описываемую ночь события представляются в следующем виде. Собравшиеся около полуночи в зале третьего класса революционеры стали обсуждать, каким способом задержать воинский поезд, высказывалось мнение, что нужно положить на рельсы шпалы или вынуть из рельс костыли, при чем с просьбой добыть для этой цели инструменты революционеры обратились к сторожу Силину.

Руенский станционный жандарм Ковалько, подойдя к группе революционеров, спросил, для чего они здесь, на что Рейн и Лисиц ответили, что пришли воротить новобранцев... чтобы не ехали на службу. Перед приходом воинского поезда дежурный по станции Янсон заметил, что фонарь зеленого диска снят с своего места и поставлен на полотно дороги. Стрелочнику и слесарю было отдано приказание посмотреть, что случилось. Слесарь, однако, вернулся, так как не был пропущен вооруженными лицами. В виду возникшего предположения, что путь впереди поврежден, дежурный крикнул машинисту подходившего поезда – тормозить. Поезд остановился на ст. Руен около 4-х часов утра. По удостоверению жандармского унтер-офицера Ковалько, Рикард Рейн и некоторые другие пошли к вагону, а остальные революционеры отправились к пакгаузу.

Поезд остановился таким образом, что паровоз находился несколько впереди пакгауза. Между поездом и пакгаузом на запасном пути стояли пустые товарные вагоны. После остановки подпоручик Дмитриев с нижними чинами отправился вдоль поезда по направлению к паровозу. Впереди шел жандармский унтер-офицер Савосько, командированный для сопровождения команды. Поравнявшись с товарными вагонами, Савосько заметил в одном из них людей, которые тотчас стали выбегать. Кто-то из них выстрелил. Солдаты, в свою очередь,

открыли стрельбу. Один из убежавших, будучи поранен, упал; подошедшие солдаты отобрали у него двухствольное ружье, заряженное на оба ствола. Оказалось, что поранен Эдуард Грозин.

В то же время подле пакгауза был задержан Эдуард Клявин, при обыске у которого найдено: заряженный револьвер, листки со стихами революционного содержания (из них один – издания «Латышской С.Д. Рабочей Партии»), несколько ружейных патронов и, наконец, объявление, напечатанное гектографическим способом, за подписью: «Полевой центр Пламя», – о предстоящем седьмого декабря в посадке Руен испытании оружия. При отходе поезда со станции Руен на расстоянии ста шагов от последней было усмотрено бревно, положенное поперек пути – заграждение было убрано, и поезд беспрепятственно прибыл в 7 часов утра на ст. Валк. На стенке одного из вагонов был обнаружен свежий пулевой след, очевидно, от выстрела, сделанного революционером в Руене.

Арестованный Клявин по доставлении в Валк был передан в распоряжение местных полицейских властей.

Между тем Эдуард Грозин, оставленный в Руене для оказания ему медицинской помощи, был отнесен в лазарет доктора Вольфа, а вечером того же дня, при содействии своих товарищей, отправлен в Юрьев для дальнейшего лечения. Перенос раненого на станцию сопровождался пением революционных песен».

В таком виде описывает прокурорский надзор события с новобранцами, между тем дело обстояло далеко не так. Как я уже сказал, решения Рижского и Ревельского конгресса местными организациями исполнялись в точности. Собрав новобранцев и проведя среди них соответствующие резолюции об отказе идти на военную службу, наши патрули со всех проходящих и пропускаемых нами поездов снимали всех тех из новобранцев, которые не подчинялись общим решениям новобранцев; таковых, к нашему счастью, оказалось всего лишь пять-шесть человек из всего района.

Что же касается новобранцев, отправляемых из Эстляндии целыми эшелонами, то с ними обращались так: из части прилегающей к нам Эстляндии, по линии железной дороги Ревель-Мойзекюль, Руен-Валк-Псков, новобранцев, забранных и помещенных в казармы, направляли на службу в сопровождении «дядьков» (ефрейторов), вооруженных штыками а впоследствии, как арестованных, в сопровождении усиленной охраны – солдат. Так как вся эта железнодорожная линия, как увидит читатель впоследствии, находилась в наших руках, то понятно никаких воинских поездов мы не пропускали.

Так, еще в конце ноября и в начале декабря по директиве «Полевого центра Пламя» два эшелона с новобранцами были задержаны на ст. Мойзекюль и отправлены обратно; третий эшелон, о котором идет речь, сопровождался командой Онежского полка под начальством подпоручика Дмитриева в пятьдесят человек вместе с отрядом в двадцать-тридцать человек жандармов.

Узнав об этом эшелоне, мы немедленно же выслали отряд из пяти-семи вооруженных ответственных товарищей на станцию Мойзекюль, для воспрепятствования дальнейшему продвижению поезда и предупреждения сопровождающей команды, что поезд без боя через Руен пропущен не будет. Одновременно с этим, из свободных от караулов, патрулей и тому подобное людей, был немедленно собран отряд человек в тридцать и под моим командованием направлен на станцию Руен для принятия необходимых мер к недопущению продвижения поезда, если паче чаяния последний проскочит станцию Мойзекюль. На товарища Лукстина было возложено общее руководство отрядом; последний, будучи занят рядом других дел, должен был прибыть на станцию к приходу поезда.

Прибыв со своим отрядом на станцию и выделив необходимых товарищей, я распорядился испортить путь, для чего у рабочих станции были взяты соответствующие инструменты; остальной части отряда было приказано расположиться около испорченного пути по обеим сторонам дороги, забаррикадивав себя шпалами; товарищ Лисиц и я должны были оставаться

на станции и вести переговоры как с сопровождающими солдатами, так и с новобранцами о возвращении их обратно и, в случае надобности, посредством свистка сигнализировать отряду «быть готовыми» или «оставить».

Сколько именно человек и какая охрана сопровождает поезд, мы не знали.

Будучи уверен, что моим отрядом, как и всегда, распоряжения исполняются в точности, я, прогуливаясь с товарищем Лисиц по перрону, ожидал донесения об исполнении распоряжения.

В это время станционный служащий позвал меня к телефону, оказалось, что меня вызывал из Мойзекюля Аболтин, который заявил, что хотя поезд еще не прибыл к Мойзекюлю, но, по полученным сведениям, его провожает сильный отряд солдат и жандармов и что вряд ли они сумеют его задержать.

Получив такое извещение, я, разумеется, сразу понял, что с отрядом в 30 человек, вооруженных охотничьими ружьями и револьверами, мне поезда с новобранцами, охраняемыми солдатами, задержать не удастся, и поэтому мною сейчас же было отдано товарищу Кальценау (из моего отряда) распоряжение отправляться к первому попавшемуся волостному постовому и истребовать подкрепление в 50 человек.

Тут необходимо пояснить: во всех волостях на дорогах стояли постовые, которые, при предъявлении соответствующих документов «Полевого центра Пламя», немедленно давали необходимый сигнал следующему постовому, в результате чего в полчаса можно было собрать не только потребное нам количество вооруженных людей, но и всю нашу «армию», которая, по определению генерала Орлова, равнялась двенадцати тысяч кавалерии и двадцати тысяч пехоты, по нашим данным – «немного» меньше.

Сделав это распоряжение, мы с Лисиц прогуливались по перрону в ожидании поезда, дальнейших сообщений из Мойзекюля и прибытия подкрепления. Время шло, а подкрепление все не прибывало. Издалека был уже слышен свисток подходящего поезда, и мы готовились его встретить, как полагается.

В этот момент прибежал Лукстин и осведомившись о том, что предпринято, направился в сторону испорченного пути для проверки.

Поезд уже приближался, когда я увидел на пути в том месте, где должна была быть испорчена железная дорога, сигнальный фонарь, меня это встревожило и я обратился к станционному рабочему, который вернулся с инструментом, с вопросом, что это значит. Он ответил:

– Так велел Лукстин.

Поезд подходил, и больше не было времени проверять, в чем дело, возвратившийся к этому моменту Лукстин на поставленный мною вопрос ответил:

– Не беспокойся, все в порядке.

Не дав поезду остановиться, мы с Лисиц сейчас же вскочили на подножки первых двух вагонов и пробрались в вагоны для переговоров с новобранцами – последние с радостью готовы были ехать обратно, но заявили, что они едут под конвоем. Спросив, сколько провожатых, и не получив тотчас ответа, я направился в следующий вагон; не успел я выйти на площадку и закрыть за собой дверь, как увидел, что около подножки стояло человек пять-шесть солдат, направивших на меня дула винтовок со штыками. Я схватился за револьвер, находившийся в правом кармане, и стал выжидать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.